

Кадетское письмо

№ 100. Буэнос-Айрес, декабрь 2017

Сто номеров «Кадетского письма»

Настоящий номер «Кадетского письма» является сотым номером второй эпохи его публикации. Этот кадетский орган был основан шестьдесят два года тому назад, в 1955 году, в Буэнос-Айресе, Алексеем Гордеевичем Денисенко, бывшего тогда секретарём Общекадетского Объединения в Аргентине. Основатель «Кадетского письма» был кубанским казаком, коренного запорожского рода. Тринадцатилетним кадетом русского Крымского кадетского корпуса он эвакуировался вместе с Русской Армией из Крыма в 1920 году. В 1927 году он окончил Крымский кадетский корпус уже в Изгнании, в Югославии, в составе 7-ого выпуска. В Аргентину он прибыл из Италии в 1947 году.

Общекадетское Объединение в Аргентине было основано в 1949 году. А. Г. Денисенко был выбран секретарем Объединения. Большинство русских кадет прибыли в Аргентину без языка, без квартиры и без работы. Многие из них в течение многих лет не имели нормальной квартиры ни более или менее нормальной работы. А. Г. Денисенко работал ночным сторожем на одном металлургическом заводе и снимал вместе с несколькими холостыми русскими эмигрантами маленькую квартирку в буэнос-айресском пригороде Вижа Бажестер. А. Г. Денисенко поставил себе тогда целью создать кадетский печатный орган, чтобы облегчить налаживание связей между русскими зарубежными кадетами, разбросанными по всему миру, в результате Второй Мировой войны. Он не был журналистом и никогда не занимался печатным делом, но крымские кадеты считали и говорили: **«мы всё можем»**. Они пели в песне Крымского кадетского корпуса: *«Гей прохожий! Дай дорожку! Крымский корпус наш идёт!»*

Учредителю «Кадетского письма» удалось купить дёшево на одном публичном аукционе русскую пишущую машинку начала XX века, очень редкой старой модели: с одним единственным клавишем для печатания, одним пальцем. Нехватало ротатора, чтобы самому издавать кадетский бюллетень, но ротатор стоил дорого, так что поначалу размножение журнала на ротаторе делалось в одной типографии. Когда второй председатель Общекадетского объединения в Аргентине М. П. Негоднов переехал в 1959 году в Венесуэлу, он пожертвовал свое последнее месячное жалование в Аргентине на покупку ротатора для «Кадетского письма». Таким образом, А. Г. Денисенко стал не только редактором и издателем «Кадетского письма», но также и типографом: он сам печатал одним пальцем на вощанных матрицах все страницы этого журнала, а затем сам его и размножал на ротаторе,

в своей квартире, тиражем в несколько сот экземпляров. Около половины тиража он разсылал по почте, во все страны кадетского рассеяния.

Журнал «Кадетское письмо» выходил четыре раза в год и имел около 30-и страниц, в размере стандартного письма. Каждый номер начинался передовицей в одну-две страницы, а затем следовало «Международное обозрение» в несколько страниц. В журнале печатались статьи на исторические и мировоззренческие темы и письма кадет со всего мира. Издание журнала прекратилось со смертью его редактора в 1961 году. В этом первом периоде издания «Кадетского письма» всего вышел 21 номер журнала.

Через 34 года, на общем собрании Кадетского Объединения в Аргентине в 1995 году, в котором участвовало несколько кадет еще учившихся в России, было решено возобновить издание «Кадетского письма», в виде маленького бюллетеня, под редакцией И. Н. Андрушкевича, бывшего сотрудника этого кадетского органа на первом этапе его издания. Первый номер «Кадетского письма», под новой нумерацией, вышел в ноябре 1995 года, всего лишь на двух страницах. На новом этапе, «Кадетское письмо» выходило тоже четыре раза в год, но имело всего лишь от четырёх до восьми страниц. Тираж колебался от 300 до 400 экземпляров, большая часть которых отправлялась почтой во многие страны мира, включая и Россию. Почтовые расходы поначалу были самым большим финансовым бременем для издания этого бюллетеня.

Однако, со временем, число русских зарубежных кадет сокращалось, что вело и к сокращению подписчиков и читателей бюллетеня. Новые же читатели в России предпочитали получать бюллетень по интернету. Таким образом, вот уже несколько лет, «Кадетское письмо» больше не издается печатным образом, а распространяется только по интернету. Однако, число его читателей не уменьшилось, а увеличилось, тем более, что оно помещается также и на некоторых сайтах в России, как, например, на сайте www.kadet.ru

После закрытия кадетских органов печати «Военная быль», «Кадетская переключка», «Сан-францисский бюллетень» и «Венесуэльский бюллетень», «Кадетское письмо» сегодня является последним органом русских зарубежных кадет. Одним из девизов нашего Кадетского крпуса был девиз Виленского военного училища: **Один в поле и тот воин.**

В этом юбилейном номере «Кадетского письма» воспроизводятся, в немного сокращенном виде, две статьи, из общего числа нескольких сот статей, опубликованных в его предыдущих ста номерах, в рамках уже почти **столетней кадетской эстафеты** русских зарубежных кадет.

И. Н. Андрушкевич

Россия до Катастрофы, по Менделееву

Без коммунизма, Россия сегодня имела бы население в 600 миллионов жителей

В предыдущем номере «Кадетского письма» было отмечено, что великий русский ученый Д. И. Менделеев, уже около ста лет тому назад, высчитал, какое население должна была бы иметь Россия в 2000 году. Конкретно, Д. И. Менделеев высчитал, что Россия в 2000 году должна была бы иметь население в 594 миллиона жителей, если бы естественный прирост ее населения продолжал сохраняться в том же ритме, как и в его (царское) время.

Эти данные подробно анализируются Менделеевым в его книге «**К познанию России**», вышедшей в свет в 1906 году, на основании **Переписи Всероссийской Империи 1897 года**. Этот труд затем был переиздан в Буэнос-Айресе известным русским белым эмигрантом А. А. Власовым, ставшим крупным судовладельцем в Аргентине, Англии, Монте-Карло и в других странах. Этот замечательный научный труд разбирает и анализирует глубоко и подробно все данные Царской Переписи 1897 года, сохраняя, таким образом, для будущей истории точные научные данные о действительном положении Государства

Российского в начале прошлого века (Д. И. Менделеев дополняет цифры 1897 года данными последующих восьми лет, вплоть **до 1905 года**), а также формулирует научную программу (не партийно-идеологическую) для будущего России. В книге 157 страниц, с приложением пяти статистических таблиц и карты России, с ее разделением на 19 отдельных краев.

Этот научный труд Д. И. Менделеева знаменателен во многих отношениях. Однако наибольшее впечатление он производит своим строго объективным и правдолюбивым характером, категорически отличающимся от недоброкачественной и несостоятельной гнилой восторженности партийно-идеологических программ тех же лет в России. Невольно приходят на память слова Аристотеля, высказанные им в его капитальном труде «Политика», о том, что наряду с программами политиков-государственных деятелей существуют также и политические программы «идиотов» от политики. Аристотель рассказывает о том, как известный архитектор Иподам, построивший крепостные стены вдоль дороги, ведущей из Афин к его порту Пирею, вдруг возомнил себя также и государственным деятелем (политиком) и решил, помимо архитектурных планов, сочинять также и политические программы. Это и была первая политическая программа в истории человечества, которую Аристотель называет **«программой профана»**, сиречь, по-гречески, **программой идиота**. Посему, задача настоящих учёных (философов) как раз и заключается в том, чтобы разобраться в разных программах и установить, какие из них являются положительными государственными программами, а какие идиотскими утопиями. Именно это и делает в своем труде Д. И. Менделеев, отмечая с научной беспристрастностью идиотизм тех или иных идеологических словоблудий, в том числе и коммунистических, уже тогда накликавших беду на Россию.

В 1897 году Государство Российское состояло из 97 губерний и областей, в каковых насчитывалось всего 816 уездов. Д. И. Менделеев разделяет их на 19 земель или краев. В первой таблице, на шести страницах, перечисляются эти края и губернии с данными о числе их жителей. Д. И. Менделеев перечисляет края Царской России в следующем порядке: Петербургский край, Ливонский край, Польский край, Малороссийский край, Литовско-Белорусский край, Подмосковная земля, Средне-Русская земля, Верхне-Волжская земля, Пермская земля, Нижне-Волжская земля, Южно-Русский край, Кавказский край, Закавказский край, Закаспийский край, Южно-Сибирский или Киргизский край, Восточно-Сибирский край, Западно-Сибирский край, Северно-Русский край и Финский край.

Общее население всех этих 19-ти земель и краев, образовывавших Российское Государство до Катастрофы 1917 года, в 1897 году составляло 128.239 тысяч жителей, из них мужского пола 63.764 тысячи и женского пола 64.475 тысяч. В таблице также указано распределение жителей по возрасту, из которого явствует прогрессивный характер демографического положения в Царской России. Жители в возрасте до 10 лет составляли 27% всего населения, от 10 до 20 - 21% и от 20 до 30 лет - 16%. Таким образом, жители Царской России в возрасте до 30 лет представляли 64 % всего населения страны. Последние же две возрастные группы (то есть пенсионные возрасты свыше 60 лет) вместе взятые не доходили до 8% всего населения. Менделеев высчитывает прирост населения России за истекшие 9 лет после переписи 28 января 1897 года. Этот реальный прирост населения для всей России превышает 1,5 % в год. Однако, Д. И. Менделеев отмечает, что реальный прирост для 50 европейских губерний для 1897 года равнялся 1,8 % в год.

Согласно этим данным, Менделеев высчитывает население России и на будущее. В момент выхода в свет его книги **в 1906 году население России, по его подсчетам, достигало приблизительно 147 миллионов жителей, то есть больше, чем через сто с лишним лет в современной посткоммунистической России**. По подсчетам Менделеева, население России к 1910 году должно было достигнуть 156 миллионов, к 1950 году - 283 миллионов, а к **2000 году - 594 миллионов**. По поводу такого демографического роста России до Катастрофы 1917 года Менделеев пишет: *«Для меня высшая или важнейшая и гуманнейшая цель всякой «политики» яснее, проще и осязательнее всего выражается в выработке условий для размножения людского»*. (Стр. 14).

Однако, в результате Катастрофы 1917 года и последовавшего за ней коммунизма, СССР по переписи 1959 года имел 209 миллионов жителей, а посткоммунистическая РФ в 2000 году около 146 миллионов, т.е. почти на 450 миллионов меньше, чем должно бы было быть без коммунизма, согласно Менделееву. По подсчетам профессора И. Курганова, «*общее количество людских потерь в СССР за время диктатуры коммунистической партии с 1917 по 1959 годы – 110,7 миллионов, в том числе потери в военное время 44,0 и потери в невоенно-революционное время 66,7 миллионов.*» («Посев» № 12, 1977 г.).

Менделеев отмечает, что «*общее число умалишенных, глухонемых, слепых и немых во всей Империи достигает по Переписи 545 тысяч человек, что составляло на 1000 жителей немногим более 4 человек. Примечательно, что это процентное отношение почти во всех краях выходит одинаковым. Это постоянство тем характернее, что оно сохраняется даже в больших городах. Например, в Петербурге 4,1 на 1000, а в Москве 3,7 на 1000.*»

На основании данных Переписи Менделеев также высчитал, сколько будет работоспособных «*при том невероятном случае, когда все способные к работе по социалистическо-коммунистической программе будут подгоняться на работу*». (Стр. 32). Значит, Менделеев предвидел возможность попыток применения «*социалистическо-коммунистической программы*», как он пишет, хотя он это и считал «*невероятным случаем*». Однако через две страницы он снова возвращается к такой катастрофической возможности, каковая будет преодолена лишь «*когда правительства крупнейших государств всего света дойдут до сознания необходимости быть сильными и достаточно между собой согласными для подавления всяких войн, революций и утопических начинаний анархистов, коммунистов, и всяких иных «Больших Кулаков», не понимающих прогрессивной эволюции, совершающейся во всем человечестве. Заря этого общего соглашения народных правительств видна уже в Гаагской, Портсмутской и Мароккской конференциях, хотя до правильно организованного служения тут и во всем ином еще далеко, уже потому, что сперва надо перестать кичиться одним народам и расам перед другими*». (Стр. 34).

Во 2-ой таблице дается распределение жителей России по природному их языку и по вероисповеданию. Согласно подсчетам Д. И. Менделеева, по Переписи 1897 года **русские составляли 65,6% всего населения России**, из них 43,5 % великороссов, 17,5 % малороссов и 4,6% белоруссов. Поляков и других славян было 6,4%, литовцев и латышей 2,5%, евреев 3,2%, грузин и кавказских народов 2%, финских народов 4,5% и турецко-татарских и монгольских народов 11,2%.

Менделеев затем переходит к проблемам школьного образования. Он обращает внимание на упадок этого образования уже в его время: «*Уже одно то, что стачки и забастовки последнего времени повели свое начало во многих местностях России именно от высших и средних учебных заведений, говорит для меня совершенно ясно, что образование, вообще говоря, в России за последние годы сильно упало... Конечно, не только живет еще остаток от прежнего времени расцвета русского образования, но есть и между новыми учащими и учащимися некоторый процент таких, которые понимают, что дело политики ни под каким видом нельзя смешивать с делом обучения*» (Стр. 50). **Менделеев критикует «эпоху толстовских преобразований учебного дела... по примеру всей Западной Европы».** Менделеев подчеркивает, что «*семена истинного просвещения должны быть направлены на добро и пользу*».

Тоже весьма интересны данные Менделеева о количестве государственных служащих в Царской России. Он отмечает, что число полицейских чинов в Лондоне в 10 раз больше, чем в Петербурге, а «*во Франции более 500 тысяч казённых служащих, не считая выборных, а у нас с «выборными» менее 340 тысяч, жителей же у нас с лишком в три раза более, чем во Франции. «Примечательно, что общее число всех перечисленных выше служащих во всей России составляет лишь 336 тысяч, то есть около одной четверти процента всех жителей, тогда как даже умалишенных и тому подобных лиц с физическими недостатками всего 0,4% (545 тысяч)*». (Стр. 67).

После этих данных, весьма интересны следующие за ними замечания Д. И. Менделеева: «Если последних жители содержат своими трудами по причине господства гуманных начал, то по причинам никак не менее важным совершенно разумно содержать на общий счет не только гражданских служащих, но и других общественных деятелей, вызываемых, с одной стороны, для борьбы со злом, несомненно существующим в мире..., а с другой стороны для специального содействия всему движению общества вперед и сохранению порядка. Ведь всех разрядов лиц, находящихся на общественном виду, в России лишь около 2,16 миллионов, то есть около 1,7%, что во всех отношениях очень немного не только по сравнению с тем, что видим в других прогрессивных странах, но даже с тем, что, без сомнения, существовало в давние, полупатриархальные времена, хотя от этих последних статистических сведений осталось очень мало». (Стр. 68).

В заключение необходимо отметить следующие интересные указания Д. И. Менделеева для дальнесрочных стратегических планов России:

«Мне нет нужды говорить о **необходимости военной силы** не только для ограждения от врагов внешних, но и от врагов внутренних, против которых везде, т. е. во всем мире, не исключая никаких республик, от европейских до американских, военную силу приходится применять, потому что полицейской силы часто недостает для борьбы с нетерпимым злом и озорниками. Главный или основной смысл военных сил, конечно, состоит в ограждении **от врагов внешних, которые нам-то грозят со всех сторон, исключая разве что Ледовитого океана, составляющего наш базис защиты**. Уже по этому одному Ледовитый океан должен обратить на себя русское внимание, как я старался доказать это выше... Не желая долго останавливаться над этими предметами, я все же хоть мельком выскажу ту мысль, что Россия, держа войско и не поддаваясь утопическим соблазнам «разоружения», может, благодаря своему положению, играть **важную роль в общем концерте мирного соглашения всех стран, и это будет тем легче, чем плотнее она сблизится с Китаем**, так как в этом последнем должно ждать быстрых успехов и так как народа в нем больше (около 430 милл. жителей), чем у какой-либо другой державы, а следовательно и войск может быть очень много. Дружественное сближение с Китаем полезно тем более, что Китай граничит с нами непосредственно, и если задумает что-либо противу Европы, то прежде всего может причинить нам много зла. По отношению ко флоту, моя мысль скажется ясно, если я повторю желание **флотом завоевать прежде всего Ледовитый океан и содействовать ограждению русских интересов в Великом океане и на Черном море**, а в замерзающем Балтийском море ограничиться только действительно необходимыми приспособлениями. (Часть того, что сюда относится, изложено уже мною в «Заветных мыслях»). Вместо громадных денежных затрат на новый сильный флот, мне кажется, было бы гораздо важнее для всего народного быта затратить средства на торговый флот, тем более, что он подготовит и военных моряков. Англия была слаба военным флотом, пока «Навигационным актом» (1651 г., при Кромвеле) не создала громадной силы своего торгового флота». (Стр. 68).

В. Михайлов

(Кадетское письмо № 37, октябрь 2003 г.)

О путях России

(Ивану Сергеевичу Шмелеву)

Неисповедимы Божии пути. Сокрыты от нас Его предначертания; и знамения Его скудно постигаются нашим детским разумом. Лишь края риз Его касаемся мы в наших постижениях; и лишь в священном тумане виднеются нам судьбы земли...

Есть ли русская душа, которая не вострепетала бы и не смутилась в наши годы и не подумала бы с укором о своем народе и с малодушием о судьбах и путях нашей России?.. О, эти годы, годы распада, бессилия и стона... Годы соблазна и стыда... восстания бездн и

отрезвляющей расплаты... и героического умирания лучших сынов... Нам ли не смутиться? Нам ли не пасть духом? И когда же конец испытанию? И куда ведешь Ты нас, Ангел Божий?.. Судьбы народа сокрыты в его истории. Она таит в себе не только его прошлое, но и его будущее; она являет собою его духовное естество: и его силу, и его дар; и его задание, и его призвание. История народа есть молчаливый глагол его духа; таинственная запись его судеб; пророческое знамение грядущего. Эта запись о России дана всякой смущенной и вопрошающей русской душе, – пусть проникнет и читает; и, читая, пусть разумеет и укрепляется; а укрепившись, пусть не малодушествует и не ропщет.

Пусть не думает, что мы «слабее или хуже всех народов», пусть не осуждает нашего славянского племени; пусть не корит наших предков; пусть не тоскует и не трепещет за судьбы наших внуков. Но пусть в молитвенной уверенности ожидает грядущих событий и свершений. **Ни один народ в мире** не имел такого бремени и такого задания, **как русский народ**. И ни один народ не вынес из **таких** испытаний и из **таких** мук – **такой силы, такой самобытности, такой духовной глубины**. Тяжек наш крест. Не из одних ли страданий соткалась ткань нашей истории? И если мы, подчас изнемогая, падаем под бременем нашего креста, то роптать ли нам и хулить ли себя в час упадка, или молиться, крепиться и собирать новые силы?

Первое наше бремя есть **бремя земли** – необъятного, непокорного, разбегающегося пространства: шестая часть суши, в едином великом куске; три с половиною Китая; сорок четыре германских империи. Не мы «взяли» это пространство: равнинное, открытое, незащищенное – оно само навязалось нам; оно заставило нас овладеть им, из века в век насылая на нас вторгающиеся отовсюду орды и армии. Россия имела только два пути: или стереться и не быть; или замирить свои необозримые окраины оружием и государственною властью... Россия подъяла это бремя и понесла его; и осуществила единственное в мире явление.

Второе наше бремя есть **бремя природы**. Этот океан суши, оторванный от вольного моря, которое зовет и манит, но само не дается и нам ничего не дарит... Эта гладь повсюдная, безгорная; и лишь на краю света маячат Карпат и Кавказ, Урал и Саян, не ограждая нас ни от бури, ни от врага... Эта почва – скудная там, где леса дают оборону, и благодатная там, где голая степь открыта для набега... Эти богатства, сокрытые в глубине и не дающиеся человеку до тех пор, пока он не создаст безопасность и замирение... Эти губительные засухи, эти ранние заморозки, эти бесконечные болота на севере, эти безлесные степи и сыпучие пески на юге: царство ледяного ветра и палящего зноя... Но Россия не имела выбора: славянские племена пришли позднее других через ворота Азии и должны были вернуться с Карпатских гор на русскую равнину. И это бремя было принято нами, и суровая природа стала нашею судьбою, единственною и неповторимою в истории.

И третье наше бремя есть **бремя народности**. Свыше полутора миллиона людей, то сосредоточенных, то рассеянных в степях, то затерянных в лесах и болотах; сто сорок различных племен и наречий; и до самого двадцатого века – целая треть иноплеменников и одна шестая нехристей. Мы должны были приять и это бремя: не искоренить, не подавить, не поработить чужую кровь, а дать ей жизнь, дыхание и великую родину; найти ту духовную глубину и ширину, и гибкость, в лоне которой каждое включенное племя нашло бы себе место и свободу посылно цвести, доцветая или расцветая. Но для этого мы должны были – прежде всего – сами расти, молиться, творить и петь. И вот, Россия подъяла и бремя своих народностей, подъяла и понесла его; – единственное в мире явление...

Нам дано было огромное обилие пространств и племен, несвязанных, несопринадлежащих, тянущих врозь, посягающих и распадающихся; и трудные, суровые условия жизни и борьбы. Мы должны были создать в этих условиях, из этого обилия, в три – четыре века единое великое государство и единую великую духовную культуру. Наш путь вел – из непрестанной нужды, через непрерывные, великие опасности, к духовному и государственному величию; и не было отсрочек, и не могло быть ни отпуска, ни отдыха. Из века в век наша забота была не о том, как **лучше устроиться** или как **легче прожить**; но

лишь о том, чтобы вообще прожить, продержаться, выйти из очередной беды, одолеть очередную опасность: не как счастье добыть, а как несчастье избыть, и еще как бы в погоне за «облегчением» и «счастьем» не развязать всеобщую губительную смуту...

Народы не выбирают себе своих жребиев; каждый приемлет свое бремя и свое задание свыше. Так получили и мы наше бремя и наше задание. И это бремя превратило всю нашу историю в **живую трагедию жертвы**; и вся жизнь нашего народа стала **самоотверженным служением**, непрерывным и часто непосильным... И как часто другие народы спасались нашими жертвами, и безмолвно, и безвозвратно принимали наше великое служение...

История России есть история муки и борьбы: от печенегов и хазар – до великой войны двадцатого века. Отовсюду доступные, ниоткуда не защищенные – мы веками оставались приманкой для оседлого запада и вожденной добычей для кочевого востока и юга. Нам как будто на роду было написано – всю жизнь ждать к себе лихих гостей, всю жизнь видеть разгром, горе и разочарование; созидать и лишаться; строить и разоряться; творить в неуверенности; жить в вечной опасности; расти в страданиях и зреть в беде. Века тревоги, века бранного напряжения, века неудачи, ухода, собирания сил и нового, непрекращающегося ратного напряжения – вот наша история. Захирела и погибла, едва расцветши, дивная Киевская Русь – и уже ушла Россия на север, уже строит Суздаль, Москву; но не сложилась еще северная земля в своей чудной лесной строгости и созерцательной простоте, а уже огонь и меч татарина испепелили Россию... Мало было уйти в леса, надо было еще уйти в себя, в глушь сосредоточенного, скорбного молчания, в глубь молитвы, в немое, осторожное собирание перегорающей и выжидающей силы. Триста пятьдесят лет колобродили монголы на Руси, жгли и грабили, возвращались свергнутые и вламывались изгнанные. Но не одолели Руси; сами изжились и выродились, иссякли и захирели, но не истожили утробу нашего духа... Триста пятьдесят лет учились мы в горе и унижении. И научились. Чему?

Мы научились **хоронить** нашу национальную святыню в **недостижимости**. Мы постигли таинство уходящего Китежа, столь недоступного и столь близкого, неразрушимого и всеосвящающего; мы научились внимать его сверхчувственному, сокровенному благовесту; в дремучей душевной чаще обрели мы таинственное духовное озеро, вечно огражденное, навеки неиссякающее, - **богovidческое око русской земли, око откровения**. И от него мы получили наше умудрение; и от него мы повели наше собирание сил и нашу борьбу, - наше национальное Воскресение...

Вот откуда наша русская способность – **незримо возрождаться в зримом умирании**, да славится в нас Воскресение Христово! Вот откуда наше русское умение – таить в глубине неиссякаемая, неисчерпаемая духовная сила, силы поддонного Кремля, укрытого и укрывающего. Вот откуда наше русское искусство – **побеждать отступая**, не гибнуть в огне земных пожаров и не распадаться в вещественной разрухе, все равно, горит ли Москва от Девлет-Гирея, или от дванадцати языков, пан ли Жолкевкий засел под Иваном Великим, или революционные святотатцы свили свое поганое гнездо под Царь-Пушкой...

Мукою четырнадцати поколений научились мы – духовно отстаиваться в беде и в смуте; в распадении не теряться; в страдании трезветь и молиться; в несчастии собирать силы; умудряться неудачей и творчески расти от поражения; жить в крайней скудости, незримо богатея духом; не иссякать в истощении; не опустошаться в запустении; но возрождаться из пепла и на костях; все вновь начинать «ни с чего»; из ничего создавать значительное, прекрасное, великое...и быстро доводить возрожденную жизнь до расцвета... Читайте же, малoverные, скрижали нашего прошлого; читайте и умудряйтесь; и не ропщите в ожидании грядущего...

Изжились и расступились монгольские племена; и открыли нам пути на восток и на юг. Но не пришло успокоение на Русь: север и запад потянулись в наши просторы; и этой тяге, этому спору и отпору еще и поныне не сказано последнее слово. История России есть **история её самообороны**; она провела две трети своей жизни. И не потому, что русский народ жесток и воинствен, – нет, он от природы благодушен, гостеприимен и созерцателен:

а потому, что русские поля искони были со всех сторон открыты, и все народы рады были травить их безнаказанно. Издревле русский пахарь погибал без меча; а русский воин кормился сохой и косою. Воевала Русь и один на один; воевала и против двух врагов, и против пяти, и против девяти. История наша есть история осажденной крепости; история сполоха, приступа, отражения и крови.

Так возник и быллой сословно-крепостной уклад: все были нужны России – и воины, и плательщики, и хозяева, и чиновники; каждый на своем месте, каждый во всей своей силе, каждый до последнего вздоха. И было время, когда великий русский царь, закрепостив всю страну сверху донизу, –сам весь огонь вдохновения, весь служение, жертва и труд, – не пожалел и сына своего, закрепостив его, в самой смерти его, грядущему величию родины.

И донине изумляются наши историки, как мог русский народ нести такие жертвы и вносить такие подати. И мог, и нёс; и тем строил нашу великую Россию. И не было для него жертвы «чрезмерной»; а для русского солдата не было «невозможного». И все спасались духом жертвы, духом подвига, духом единения – внимая сокровенному благовесту поддонного Кремля. И только временами, изнемогая от бремени, падая духом, запутываясь в чаще страстей, теряли пути к таинственному озеру боговидения, изменяли служению, впадали в смуту и воровство и гибли от внутренних посяганий и раздоров. Судить ли изнемогших? Клеймить ли того, кто пал духом? Отвергать ли и обрекать ли того, кто временно запутался в злых страстях?..

Велик в своем служении и в жертвенности русский народ. Тих и прост, и благодушен, и даровит в быту своем. Глубок и самобытен, и окрылен в богосозерцании. Но страстна и широка его душа; и по-детски отзывчива на искушения и соблазны. И в детской беспечности своей забывает он перекреститься, доколе не грянет гром. Но грянул гром – и перекрестится; и сгинет нечистое наваждение...

И уже, смотрите, - в годину величайшей соблазненности и величайшего крушения – уже началось и совершается **незримое возрождение в зримом умирании**. Да славится в нас Воскресение Христово!

Судьбы народа сокрыты в его истории. И мы, смущенные, мы, малодушные и маловерные, мы должны научиться читать и разуместь молчаливые глаголы нашего прошлого; разуместь сокровенные судьбы и явные дары, и таинственное призвание нашего национального естества, нашего **русского величия**; уверенно разуместь и уверенно провидеть **грядущее всенародное воскресение России**.

Неисповедимы Божии пути. Сокрыты от нас Его предначертания. И только края ризы Его касаемся мы в наших постижениях. Но **в недрах нашего прошлого нам даны великие залогов и благодатные дары, неиссякающие, живые, таинственные ручьи благодати**. И видя их, приникая к ним и упоаясь ими, мы уже не сомневаемся в тех путях, по которым ведет нас Ангел Божий, но в молитвенном напряжении уверенно ожидаем грядущих событий и свершений... Ибо с нами Господь нашего Китежа!

Проф. И. А. Ильин

*(Перезвоны, литературно-художественный журнал, № 31, 1927 г.;
Кадетская Переключка, № 75, май 2004 г.; электронное Кадетское письмо, август 2004 г.).*

Кадетское письмо № 100. Буэнос-Айрес, декабрь 2017 г. XXIII год издания.

Бюллетень русских зарубежных кадет. Основан в 1955 году А. Г. Денисенко, кадетом VII выпуска Крымского кадетского корпуса. Не издавался с 1961 года. С ноября 1995 г. выходит под новой нумерацией, на правах рукописи. Ссылка на источник обязательна.

Издатель и редактор: И. Н. Андрушкевич. **Электронный адрес:** kadetpismo@hotmail.com